

УДК: 94(47).083/084(092)

Л.В. Перескоков

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ В 1917 ГОДУ

Михаил Александрович (22 ноября 1878 г. – 12 июня 1918 г.), младший из трех сыновей российского императора Александра III, со смертью среднего брата Георгия (1899) и в связи с болезнью цесаревича Алексея стал реальным наследником царского престола. Согласно Манифесту отречения императора Николая II от 2 марта 1917 г. он получил верховную власть в стране. Однако в условиях разразившейся революции Михаил Александрович своим Манифестом от 3 марта 1917 г. отнес решение вопроса о государственном устройстве на усмотрение Учредительного собрания.

Ключевые слова: великий князь Михаил Александрович, Россия 1900–1917 гг., Российский Императорский Дом, Романовы.

2 марта 1917 г. российский император Николай II своим манифестом отречения от престола за себя и своего сына цесаревича Алексея передал верховную власть в стране своему брату великому князю Михаилу Александровичу. Однако Михаил Александрович её не воспринял. Возникает вопрос обоснованности принятого им решения. Ответ может быть получен, если прояснить следующие моменты:

- юридическая правомерность передачи верховной власти Николаем II своему родному брату великому князю Михаилу Александровичу;
- насколько личные качества и сложившийся в общественном сознании образ Михаила Александровича соответствовал неожиданно выпавшей на его долю роли императора;
- насколько политическая обстановка в стране благоприятствовала принятию Михаилом Александровичем положительного решения?

Великий князь Михаил Александрович (1878–1918), младший из трех сыновей императора Александра III, волею судеб оказался причастным к историческим событиям, которые привели Россию в 1917 г. к двум революциям и падению монархии. 22 ноября 1898 г., в день своего совершеннолетия, Михаил в присутствии всей императорской семьи, Двора, министров и высших государственных чиновников присягнул в верности основополагающим законам престолонаследия, императорской семье и Российской империи.

Согласно закону Михаил Александрович впервые был объявлен наследником престола 28 июня 1899 г., после смерти от туберкулеза среднего сына Александра III Георгия. На тот момент ему шёл 21-й год. 7 мая 1901 г. великий князь был назначен членом Государственного Совета, ему предписали также присутствовать в Комитете Министров. Однако Михаил не стремился к государственной деятельности, его больше привлекала карьера гвардейского офицера. С рождением цесаревича Алексея 30 июля 1904 г. Михаил стал носить звание «правителя государства», подразумевавшее регентство (как и императрицы) на случай преждевременной смерти императора и до наступления совершеннолетия цесаревича Алексея.

Великому князю Михаилу Александровичу было самим рождением предназначено жениться на принцессе крови. Но, увы, его личная жизнь не складывалась. Третье серьезное увлечение Михаила Александровича Наталией Сергеевной Вульфферт, урожденной Шереметевской, закончилось мorganатическим браком. Ранее император уже предостерегал: «Неся ответственность перед Отечеством, я не имею права разрешить моему единственному брату вступить в мorganатический брак; потому мое решение бесповоротно ...» [1. Оп. 1. Д. 1301. Л. 166-167].

В 1910 г. у Михаила и Наталии родился сын Георгий. А 16 октября 1912 г. в сербской церкви Вены они тайно обвенчались. Наталии была присвоена фамилия Брасова. Известие о женитьбе Михаила Александровича взбудоражило весь Императорский Дом. А светское общество решило, что великий князь сделал большую глупость. Закон о престолонаследии, изданный ещё Павлом I и уже сточенный Александром III, гласил, что трон передается только по мужской линии, а мorganатические браки не допускались. Учитывая неизлечимую болезнь цесаревича Алексея, вероятность передачи власти Михаилу была достаточно высока. Мorganатический же брак практически исключал такую перспективу. Реакция Николая II на женитьбу Михаила была сурова: лишение всех званий, опекунство над всем имуществом и запрет на въезд в Россию.

Итак, к 1913 г. за великим князем Михаилом Александровичем в обществе, в том числе и среди Романовых, утвердилось прочное мнение как о несерьезном человеке, не склонным к политической деятельности, легко поддающимся под чужое влияние. Мнение посла Франции в России Мориса Палеолога о Михаиле Александровиче основывалось на высказываниях посетителей столичных салонов. Признавая, что Михаил «проявил боевое мужество» на фронте, он упомянул, что Михаил – «человек в высшей степени слабый» [11. С. 43].

С началом Первой мировой войны Михаил Александрович просит у брата разрешения вернуться в Россию и отправиться на фронт. Полученное назначение стало неожиданностью для всей армии. Михаил был поставлен во главе новой Кавказской Туземной конной дивизии, которую было решено сформировать из северокавказских горцев «магометанского вероисповедания», никогда прежде не служивших в регулярной армии. Михаилу было присвоено звание генерал-майора с зачислением в Свиту императора. Многие видели в этом назначении напоминание, что великий князь ещё до конца не прощён. Князь В. А. Вяземский не пожалел, что попал в эту дивизию, прозванную «Дикой». «Ты не можешь представить, – писал он племяннику, – как всё красочно: обычаи, весь дух. Офицеры по большей части – храбрые, бесшабашные души... А рядовые всадники, похоже, думают, что война – это большое развлечение, и их исламский фатализм лишает их всякого страха смерти. Они обожают великого князя...» [13. С. 241]. Капитан Б. В. Никитин так отзывался о своей службе: «Душевное внимание великого князя, его чарующая простота и деликатность всегда привлекали сердца тех, кому приходилось с ним встречаться. Что же сказать нам, прошедшим с ним войну? Мы были счастливы близостью к нему, а преданы безмерно» [10. С. 223].

Среди сослуживцев Михаил Александрович снискал большой авторитет и уважение. На страницах периодической печати стали появляться отдельные фронтовые очерки, посвященные великому князю и боевому пути дивизии, сражавшейся на Юго-Западном фронте.

В январе 1915 г. за отличия в боях на Карпатских перевалах Михаил Александрович был представлен к ордену св. Георгия 4-й степени.

В начале 1916 г. Михаил Александрович покинул «Дикую» дивизию, получив пост командира 2-го кавалерийского корпуса, а незадолго до революции стал генерал-инспектором кавалерии. Летом 1916 г. на Юго-Западном фронте произошел знаменитый Брусиловский прорыв. За участие в боевых действиях Михаил Александрович был награжден Георгиевским оружием и красным эмалевым крестом Ордена св. Владимира с мечами.

Во второй половине 1916 г. политическая обстановка в стране стала катастрофически ухудшаться. Записывая свою беседу с князем В. М. Волконским, барон Н. А. Врангель, в частности, отметил: «Положение могло бы быть спасено выступлением всей императорской семьи in cogroge, заявившей Государю об опасности, о необходимости уступить общественному мнению ... Искали, кто из великих князей мог бы взять на себя руководящую роль. Михаил Александрович болен, ехать не может. Остановились на великом князе Николае Михайловиче...» [3. Оп. 1. Д. 54. Л. 441].

В ноябре великие князья Георгий Михайлович и Николай Михайлович пишут императору письма с предложением создать «ответственное правительство». Михаил Александрович также решил попытаться «раскрыть глаза царю». В письме Николаю II от 11 ноября 1916 г. он, в частности, написал: «...Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас. Перемена в настроении самых благонамеренных людей – поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, внушающий мне самые серьезные опасения не только за себя и за судьбу нашей семьи, но даже, за целостность государственного строя...» [1. Оп. 1. Д. 1301. Л. 156–159об, 160]. Не получив ответа, 17 ноября великий князь с Наталией и зятем А. Матвеевым, в связи с обострением язвы желудка, отправился на отдых в Крым.

Во второй половине 1916 г. великие князья составили уже совершенно определенную оппозицию царской семье. По утверждению бывшего директора Департамента полиции и заместителя министра внутренних дел С. П. Белецкого, «Распутин все время поддерживал в императрице опасность популярности Михаила Александровича в армии и народе... Нам было поручено, возможно, подробнее осветить его жизнь, так как императрица и Вырубова видели в замкнутой жизни семьи великого князя в Гатчине, в его знакомствах и, в особенности, во влиянии его жены, ... возможность тайных династических притязаний. Однако мои данные не дали никаких для этого материалов» [5. С. 168].

В своих взглядах на государственное устройство России великий князь придерживался идеи конституционной монархии. М. М. Федоров (беспартийный либерал, член Государственной Думы)

сказал, что «на вопрос, готов ли он стать наследником трона, Михаил Александрович ответил: «Да минует меня чаша (сия)! Конечно, если бы к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен» [13. С. 323].

Наступил 1917 год. Политическая ситуация продолжала быстро ухудшаться. Но и в отношениях между Михаилом Александровичем и Наталией Сергеевной, чем великий князь очень дорожил, произошли осложнения. Теперь все чаще выражается чувство обреченности, супруги обмениваются взаимными упреками в нелюбви друг к другу. «...Да, я стал пессимистом во всем, – пишет Михаил Наталии, – иллюзий больше ни в чем нет, но я все-таки думал, что ты ко мне никогда не переменишься, но, увы, это уже произошло и потому у меня больше нет в жизни того самого святого чувства, которое было раньше, – я потерял самое главное – это твою любовь и теперь мне все равно» [2. Оп. 1. Д. 22. Л. 78–81об].

Однако в обществе стали говорить, что Михаил «выдвигается». 17 января он был назначен председателем Георгиевского комитета. Имя младшего брата царя все чаще упоминается в комбинациях политического пасьянса различных партий и придворных группировок. В этой связи стали говорить и о «политической роли» салона Н. С. Брасовой.

Новое назначение на должность генерал-инспектора кавалерии вступало в силу с 29 января. Михаил Александрович поехал передать командование и попрощаться с корпусом. 1 февраля, он заехал в Каменец-Подольский, чтобы повидаться со своим главнокомандующим А. А. Брусиловым. Брусилов вспоминает их последнюю встречу: «...Я очень его любил, как человека, безусловно, честного и чистого сердцем, непричастного ни к какой стороне, ни к каким интригам и стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь привилегиями императорской фамилии..., он был храбрый генерал и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг. Ему, брату Государя, я очень резко и твердо выяснил положение России и необходимость тех реформ, немедленных и быстрых, которых современная жизнь неумолимо требует; ...я его умолял разъяснить все это царю, и если он (великий князь) разделяет мое мнение, то поддержать содержание моего доклада и со своей стороны. Он мне ответил, что он со мной совершенно согласен и как только увидит царя, он постарается выполнить это поручение. “Но, – добавил он, – я влиянием никаким не пользуюсь и значения никакого не имею...”» [7. С. 203].

Далее события развивались с катастрофической быстротой. Обстановка в стране фактически уже была и не управляема. Михаил Александрович надеялся всё-таки повлиять на брата. 4 февраля он с великим князем Александром Михайловичем прибыл в Царское Село. Они пытались убедить Николая в необходимости создания «ответственного министерства», а Александру Федоровну настоятельно просили не вмешиваться в государственные дела. Императрица отказалась вести разговор. 10 февраля Михаил Александрович вновь едет в Царское Село, туда же независимо прибыл и председатель Думы М. В. Родзянко, который предупредил императора, что если он не пойдет на радикальные перемены, то стране грозит катастрофа. Но государь считал, что опасность преувеличена.

22 февраля император отбыл в Ставку. Александра Федоровна продолжала писать мужу: «Будь тверд!». А на следующий день в Петрограде произошли первые беспорядки. 24 февраля – всеобщая стачка. 25 февраля Родзянко посылает в Ставку тревожную телеграмму, но ответа не последовало. 25 тыс. солдат перешли на сторону восставших, был захвачен арсенал оружия, подожжены здания департамента полиции и множество охранных отделений; тюрьмы были открыты. Царь дал приказ командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову срочно прекратить беспорядки.

27 февраля Николай II получил письмо от Александры Федоровны. Обстановка в столице, – пишет императрица, – спокойная, «потому что все обожают тебя и только хотят хлеба. ...Но мне кажется, всё будет хорошо. Солнце светит ярко – и я ощущала такое спокойствие и мир на Его (Распутина) дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас...» [6. С. 878-880]. Военный министр М. А. Беляев побоялся признаться царю, что власти находятся в полной растерянности, что контроль над войсками, расквартированными в Петрограде, совершенно утерян. Далее следует царский приказ о роспуске Государственной Думы. Однако думцы расходиться отказались и самостоятельно образовали Временный комитет Государственной Думы под председательством М. В. Родзянко. Тот вновь посылает царю телеграмму полную отчаяния.

Родзянко вызывает в столицу Михаила Александровича и настаивает, чтобы он «явочным порядком принял на себя диктатуру над городом Петроградом», но великий князь отказался. Тогда было принято другое решение: убедить императора назначить Михаила регентом в Петрограде с правом

назначения нового премьер-министра. Родзянко надеялся, что великий князь назовет его кандидатуру, Михаил же Александрович назвал князя Г. Е. Львова, известного своей общественной и благотворительной деятельностью в качестве председателя Земского союза. Однако император считал, что смена правительства не допустима.

Михаил Александрович направился в резиденцию военного министра и оттуда в 22.30, того же 27 февраля, посредством телеграфа начал передавать сообщения императору. Информация проходила через начальника штаба Верховного командования генерала М. В. Алексеева, что, естественно, снижало оперативность и, как оказалось, результативность. Император не наделил запрашиваемыми полномочиями великого князя, а сообщил, что на следующий день (28 февраля) выезжает в Царское Село. Кроме того, император направил в столицу в качестве главнокомандующего Петроградским округом генерал-адъютанта Н. И. Иванова с георгиевским батальоном и дал приказ (уже на следующий день) о переброске с фронтов четырех пехотных и четырёх кавалерийских полков. Тогда, фактически, был упущен последний, гипотетически возможный шанс предотвратить революцию. Не желая кровопролития и надеясь на примирение, великий князь отменил приказ о защите Зимнего дворца.

Обстановка в Петрограде сложилась уже настолько напряженная и взрывоопасная, что Михаил Александрович не смог вернуться в Гатчину и вынужден был остаться в квартире Пулятиных на Миллионной улице, 12.

К вечеру 28 февраля власть окончательно перешла в руки революции. Образовалось два соперничающих между собой властных органа: Временный комитет Государственной Думы и созданный по опыту революции 1905 года Совет рабочих и солдатских депутатов. Царское правительство было арестовано, по улицам ходили ликующие толпы. Очагов сопротивления уже не было.

1 марта, около 4 часов утра, царский поезд был остановлен на станции Малая Вишера, занятой восставшими войсками. Николай II принимает решение повернуть обратно до Бологого и далее в Псков, где размещался штаб Северной армии под командованием Н. В. Рузского. Тем временем Михаилу Александровичу принесли на подпись «Манифест великих князей», где уже стояли подписи Павла Александровича и Кирилла Владимировича. Михаил Александрович тоже подписал этот документ. «Манифест великих князей» отверг Совет рабочих и солдатских депутатов.

Днем 1 марта всех поразило шествие Кирилла Владимировича с красным бантом к Таврическому дворцу с целью присяги на верность Временному комитету Государственной Думы. Многие расценили этот шаг как признание Романовыми революции [12. С. 29]. Однако преобладающее мнение на тот момент было всё же не свержение монархии вообще, а отречение Николая II в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве Михаила Александровича. Великие же князья Кирилл Владимирович и Павел Александрович были против регентства Михаила.

Генерал-адъютанту Н. В. Рузскому выпала роль встречать императора на перроне псковского вокзала и вести с ним непростой разговор о конституционных реформах. Когда же, наконец, в 3-30 ночи 2 марта, Николай согласился на выдвинутые условия, Родзянко прямолинейно ответил: «Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаете себе отчета в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко..., и грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определенным требованием» [4. С. 57]. Ответ Родзянко был отправлен генералу Алексееву и всем командующим фронтами и флотами. Николай II вынужден был принять решение об отречении в пользу несовершеннолетнего сына Алексея при регентстве Михаила Александровича. Был составлен проект манифеста отречения. В этот момент приходит сообщение о поездке двух членов Временного комитета А. И. Гучкова и В. В. Шульгина в Псков для встречи с императором. Николай II для окончательного решения вновь делает паузу до встречи с выехавшими делегатами.

К вечеру 2 марта 1917 г. в России было уже новое Временное правительство. В него вошли люди, которых ранее предлагали в состав «ответственного министерства». Ожидая депутатов, Николай II изменил свое решение: он делает своим преемником не больного сына, а своего брата Михаила Александровича, что противоречило закону о престолонаследии. 2 марта в 23.40 манифест был подписан, но время было поставлено 15.00. Получается, что с 15.00 2 марта Михаил Александрович был держателем верховной власти, но об этом он не знал. Он думал, что он – регент.

Во время длительного ожидания наиболее последовательный защитник конституционной монархии лидер кадет П. Н. Миллюков выступил перед исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов с «программой новой власти». Он утверждал, что государственный строй должен быть парла-

ментской и конституционной монархией. Однако широкой поддержки его выступление не вызвало. И хотя надежда на сохранение монархии на тот момент даже в конституционном варианте, была достаточно прозрачная, отречение Николая II и передача власти согласно закону цесаревичу Алексею, безусловно, не вызвали бы такой негативной реакции, какая произошла на сообщении о передачи власти Михаилу. Противозаконный манифест государя лишил российскую монархию последних защитников, а Временное правительство существенно снизило свою легитимность.

Утром 3 марта 1917 г. думцы начали искать поводы для отступления от своих прежних намерений поддержки Михаила Александровича. Они вспомнили его морганатический брак с женщиной, «известной своими политическими интригами», и то, что он никогда не интересовался государственными делами. У большинства думского комитета складывалось мнение, что незаконный манифест отречения Николая – достаточное основание, чтобы отказаться от монархии. Керенский понял, дело идет к республике: «Все утешились мыслью, что с разрывом прямой линии престолонаследия, зависший вопрос о династии разрешен» [8. С. 68].

Депутаты Государственной Думы принимают решение встретиться с Михаилом Александровичем. Тем временем уже распространяется сообщение о смене монарха. Родзянко прибыл в военное министерство, и оттуда связался по прямому проводу с генералами Рузским и Алексеевым, и велел им не рассылать манифест Николая II по фронтам.

3 марта в 9.15 началось совещание на Миллионной, 12. Собралось более 15 чел. (среди них: 7 министров нового Временного правительства и 5 депутатов Государственной Думы во главе с Родзянко). Между делегатами состоялся предварительный договор. Подавляющее их большинство придерживалось мнения о необходимости отказа Михаила Александровича от верховной власти. В процессе дебатов выяснилось, что из 7 министров только 2 остались бы в правительстве Михаила Александровича. В Петрограде фактически уже не было войск, которые бы поддерживали монархию. Однако наиболее сильным фактором на этом совещании стала угроза личной безопасности, как представителей Дома Романовых, так и членов Временного правительства. Наиболее активно выступали о возможной опасности для жизни великого князя Керенский и Родзянко. Милоков позднее вспоминал, что мои противники вместо принципиальных соображений перешли к запугиванию великого князя. Он, а также приехавший позднее А. И. Гучков, считали, что утрата «символа власти, привычного для масс», каковым является монархия, намного опаснее. В таких условиях Временное правительство, говорили они, «окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений» [9. С. 468]. По ходу совещания инициатива постепенно перешла от Родзянко к Керенскому. После двух часов пререканий великий князь пожелал наедине посоветоваться с Родзянко и князем Львовым. Этих людей он достаточно хорошо знал и привык им доверять. В решающий момент истории для российской монархии Михаил Александрович был обречен. Он не имел никакой фактической поддержки, не мог без Львова и Родзянко реально сформировать правительство. На улицах он видел только «одни штыки». После частного разговора с Львовым и Родзянко великий князь несколько минут оставался один. Выбор Михаила Александровича был сделан совершенно определенным: отречься, чтобы Временное правительство восстановило порядок в стране и довело войну с Германией до победного конца.

Михаил Александрович объявил о своем решении непринятия верховной власти. 3 марта, после обеда, начали готовить текст манифеста. А. Матвеев, игравший при великом князе роль юриста-консультанта, потребовал оригинальный вариант манифеста Николая II и «Основные законы империи». (Гучков и Шульгин привезли копию манифеста Николая II, сделанную по приезду в Петроград. В те часы оригинал найти так и не смогли.) Министры решили вызвать к себе на помощь юриста. Выбор пал на В. Д. Набокова. Позвонили также юристу-правоведу барону Б. Э. Нольде. Через четверть часа он привез том Основных законов. Нольде, Набоков и Шульгин уединились для работы над текстом манифеста, но в очередной раз они столкнулись с «неустранимым внутренним пороком» манифеста Николая. Император не имел права отречься за сына Алексея. В этой связи и Михаил не имел права принимать верховную власть. Так что с точки зрения закона и манифест Михаила также оказывался весьма сомнительным документом. Получился не законодательный, а политический акт. Михаил Александрович подписывает манифест, согласно которому решение о государственном устройстве он относит на усмотрение Учредительного собрания. Манифесты Николая II и Михаила Романова были обнародованы одновременно 5 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил арестовать царскую семью, в том числе и Михаила.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601 – Николай II, император. Оп. 1. Д. 1301.
2. ГАРФ. Ф. 622 – Брасова Наталья Сергеевна, графиня. Оп. 1. Д. 22.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 920 – Врангель Николай Алексеевич, барон. Оп. 1. Д. 54.
4. Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко 1 марта 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 2 (21).
5. *Белецкий С. П.* Григорий Распутин // Григорий Распутин: Сборник исторических материалов. Т. 1. М., 1997.
6. Переписка Николая и Александры. 1914–1917. М., 2013.
7. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001.
8. *Керенский А. Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005.
9. *Милуков П. Н.* Воспоминания. М., 1991.
10. *Никитин Б. В.* Роковые годы. С предисловием Николая Старикова. СПб., 2015.
11. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции / пер. с фр.; репринт. воспроизведение изд. 1923 г. М., 1991.
12. *Половцев П. А.* Дни затмения. М., 1999.
13. *Кроуфорд Розмари и Дональд.* Михаил и Наталья. Жизнь и любовь последнего русского императора. М., 2008.

Поступила в редакцию 12.05.17

L. V. Pereskokov

GRAND DUKE MIKHAIL ALEXANDROVICH IN 1917

Grand Duke Mikhail Alexandrovich (22.11.1878 – 12.06.1918), the youngest of three sons of Emperor Alexander III, with the death of the middle brother George (1899), and due to illness of Tsarevich Alexei, became a real heir to the throne. On March 2 (old style), 1917, after Emperor Nicholas II had abdicated in his favor, Mikhail had the supreme authority in the country. However, as the February revolution still engulfed Russia, Mikhail issued his own manifesto on March 3, 1917, in which he left the decision on the form of government to the Constituent Assembly.

Keywords: Grand Duke Mikhail Alexandrovich, Russia in 1900–1917 years, Russian Imperial House, Romanovs.

Перескоков Лев Валентинович, соискатель
ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт
культуры»
614000, Россия, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
E-mail: voopikperm@yandex.ru

Pereskokov L.V., applicant
Perm State Institute of Culture
Gazety "Zvezda" st., 18, Perm, Russia, 614000
E-mail: voopikperm@yandex.ru